

- Бромлей Ю.В.** Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – 390 с.
- Гемуев И.Н., Пелих Г.И.** Селькупское оленеводство // СЭ. – 1974. – № 3. – С. 83–95.
- Гурвич И.С.** Соседская община и производственные объединения малых народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 384–417.
- Доброва-Ядринцева Л.Н.** Туземцы Туруханского края. – Новониколаевск: [Б.и.], 1925. – 81 с.
- Долгих Б.О.** Типы отцовско-родовой организации народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 361–383.
- Лебедев В.В.** Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы Северо-Запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. – 1980. – № 2. – С. 82–116.
- Миненко Н.А.** Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 306 с.
- Островских П.Е.** Башенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Сов. Север. – 1931. – № 7/8. – С. 161–181.
- Пелих Г.И.** Территориальная община – юрта у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX в. // Тр. / Том. гос. ун-т. Сер. истор. – 1961. – Т. 150. – С. 73–83.
- Пелих Г.И.** Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник, 4. – М.: Наука, 1962. – С. 176–196. – (Тр. / Ин-т этнографии. Нов. сер.; Т. 78).
- Пелих Г.И.** К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов (вторая половина XIX в.) // Тр. / Том. гос. ун-т. Сер. истор. – 1963. – Т. 165. – С. 137–148.
- Плотников А.Ф.** Нарымский край. – СПб.: [Б.и.], 1901. – 366 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд. статистики; Т. 10, вып. 1).
- Прокофьева Е.Д.** К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник, 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 88–107. – (Тр. / Ин-т этнографии. Нов. сер.; Т. 18).
- Прянишников К.С.** Очерки Нарымского края // Сибирский торгово-промышленный календарь. – Томск: [Б.и.], 1898. – С. 219–227.
- Сергеев М.А.** Некапиталистический путь развития малых народов Севера. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 570 с.
- Скалон В.Н.** В тундре Верхнего Таза // Сов. Север. – 1930. – № 3.
- Скалон В.Н.** Оленеводство в бассейне р. Таза // Сов. Север. – 1931а. – № 3/4. – С. 70–87.
- Скалон В.Н.** Рыбные промыслы в бассейне р. Таза // Сов. Север. – 1931б. – № 3/4.
- Соколова З.П.** Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 103–153.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 223 с.
- Туруханский район** (характер землепользования) // Сов. Север. – 1934. – № 2. – С. 100–102.

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 391

Е.Ф. Фурсова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mfl1@mail.ru*

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РУКОДЕЛИЙ КРЕСТЬЯНОК БАРАБЫ И ВАСЮГАНЬЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Старообрядцы Барабы и Васюганья пока не изучались этнографической наукой. Известные своими песенными традициями васюганцы, прежде всего жители верховьев р. Тары, привлекали внимание в основном фольклористов [Мельников, 1989]. Между тем старообрядцы этой группы федосеевского согласия** 10–15 лет назад являлись носителями традиционной культуры, в которой как в зеркале нашли отражение история их миграций и контактов, принадлежность к северорусской традиции и староверию. Данная работа написана на основе полевых материалов автора, которые были собраны в 1990-х гг. в ходе периодического наблюдения за группами старообрядцев Барабы и Васюганья и членами федосеевских общин в Омске и Новосибирске.

Особенности этнической истории конфессионально-этнографической группы старообрядцев Васюганья

По рассказам стариков, хранителей устной истории, группа старообрядцев Васюганья в поисках лучшей

доли в 1903–1919 гг. мигрировала в Сибирь из-за недостатка земель из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии. Переселение старообрядцев из западных областей Советской России за Урал отмечалось также в 1919–1929 гг.

Поборники “истинной христианской веры”, стремясь сохранить целостность культурных традиций, селились в отдаленных и труднодоступных районах, например, на Таре были выбраны места ближе к болотистому Васюганью. По воспоминаниям информаторов, до оз. Чаны переселенцы ехали на поезде, а до Кыштовки и затем до Макаровка три дня шли пешком. Согласно полевым материалам, первой в 1903–1907 гг. была заселена д. Бергуль, а затем деревни Макаровка, Платоновка и Морозовка. До настоящего времени сохранились только два широко известных своими песенниками селения – Бергуль и Макаровка. Архивные данные подтверждают сообщения информаторов: в “Деле Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского Кыштовской волости Каинского уезда, получивших ссуды” указано, что водворение тех и других происходило с 16 мая по 25 сентября 1903 г. (ГАО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22). В Бергуль въехали преимущественно выходцы из “Вильно” или “Риги”, а в Макаровку – мигранты из Виленской и Витебской губерний.

В наиболее рано освоенном переселенцами Бергуле до приезда русских старообрядцев проживали мордва (мокшане), чуваша, приехавшие, как считается, ранее, примерно в 1898 г. Из экспедиционных

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

** Федосеевское согласие получило свое название от дьяка Крестецкого яма Новгородской губ. Феодосия Васильева. Федосеевцы не молились за царя (представителей светской власти) и придерживались безбрачия. Наиболее крупное объединение федосеевцев – московская община с руководящим центром на Преображенском кладбище.

материалов следует, что небольшая часть западных старообрядцев переправилась через р. Обь и остановилась на р. Иксе, основав в Гондательской вол. Томского уезда еще один населенный пункт – д. Козловку.

Основная масса переселенцев и их потомков, расселившихся в верховьях р. Тары, связывала свое происхождение с г. Глубоким и селами Глубоковского уезда, входившими на момент переселения в состав Виленской губ. (деревни Апидомы, Ластовичи): “деды там родились и прадеды” (Г.П. Федотов, д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл.), “что Бергуль, что Макаровка – одно и то же. Разъехались далеко, хотя из одной Виленской губ.” (Е.И. Филиппова, д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл.). Часть мигрантов выехала из Дриссенского уезда Плисской вол. (д. Задорожье?), Полотского уезда (деревни Беляны, Совет) Витебской губ. Некоторые информаторы, например, Дудкины из Макаровки, Трофимовы, Егоровы из Бергуля, называли родиной дедов “Ригу”, около которой, как известно, в окрестностях Режицкого, Динабургского и других уездов проживало немало староверов-федосеевцев [Семановский, 1872, с. 14–19]. Хорошо проработанные и проверенные архивные данные позволяют считать их предками северных русских из Новгород-Псковского края, Москвы, мигрировавших в Витебскую губ. в начале второй половины XVIII в. [Там же, с. 14; Заварина, 1986, с. 15–19]. Возможно, часть осевших здесь староверов позже продвинулась на запад, на территорию бывшей Виленской губ. Жители Козловки (Болотнинский р-н Новосибирской обл.) рассказывают о переселении своих дедов и родителей из Минской, Ковенской губерний, Дисненского уезда Виленской губ. Сибирские старообрядцы до сих пор поддерживают связи с родственниками, проживающими в указанных районах; еще лет 40 назад они периодически ездили “у Вильны”. Такова сложная и запутанная история миграций конфессионально-этнографической группы западных старообрядцев, которые, несомненно, выделяются на фоне сибиряков-кержаков особенностями речи, элементов духовной и материальной культуры.

Потомки этих переселенцев обладают ярко выраженным сознанием русской этнической принадлежности: они подчеркивают, что в местах прежнего проживания, в Белоруссии, их мужчин звали “москалями-староверцами”, а женщин “московками”. Ссылаясь на это, а также на предания стариков, потомки старообрядцев Бергуля рассказывают о “московском происхождении” прадедов. В Западной Сибири прибывших с запада староверов и их потомков стали называть кержаками.

Среди различных слоев населения бергульцев распространена “история” о заселении сибирских земель.

В качестве первых поселенцев местные жители указывали три большие семьи: трех братьев Хохловых (Константина, Емельяна, Акая/Андрея), двух братьев Гнутовых (Антон, Астрата), трех братьев Ивановых (Савина, Авдея, Макара, последний из которых был впоследствии известен под фамилией Старков) (К.В. Белова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.). Списки переселенцев Томской казенной палаты, представленные в архивах, подтверждают удивительную живучесть коллективной памяти старообрядческих общин: совпали не только фамилии, но и имена первых насельников (ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22). В рукописи списков выявлены только официальные имена, в процессе же полевой работы нами были зафиксированы варианты народных имен, которые, возможно, не были восприняты местными писарями: например, Андрея Хохлова в поселке звали Акаем (в Святцах – Акакий), Савелия Иванова – Савином. Наши полевые материалы позволяют назвать такие распространенные ныне старообрядческие фамилии, составляющие “фамильные гнезда” Бергуля, как Трофимовы, Егоровы, Щае-Зубровы, Ивановы, Беловы, Степановы. В Макаровке первопоселенцами были семьи Андреевых, Пудовых, Кузнецовых, Савастеевых, Федотовых, Дудкиных, Ивановых, Десятниковых, Смертевых и др. (Г.П. Федотов, д. Макаровка Северного р-на Новосибирской обл.). На основе сообщений информаторов удалось составить список фамилий первопоселенцев Макаровки и сравнить его со списком ныне проживающих потомков [Фурсова, 2002, с. 74]. В настоящее время в Макаровке живут более или менее многочисленные семьи П.К. Андреева, П. Федотова, А. Пудова, Ф. Савастеева, Ф. Евдокимова, С.И. Родунаева. Удалось выявить и фамилии поселенцев исчезнувшей д. Платоновки – Блиновы, Атопкины и др. В отдаленной Козловке до настоящего времени проживают потомки Никоновых, Колесниковых, Ивановых, Емельяновых, Вавиловых, Михайловых.

Васюганские старообрядцы обладают ярко выраженным сознанием общности своей группы; они идентифицируют себя с “чисто русскими” и отделяют себя не только от “никониан”, но и от соседних старообрядцев-поморцев*. Для группы характерна эндогамия, поэтому в современных селах распространено проживание “фамильными гнездами”. “У нас это закон был: кержак с кержаком роднился. А вот уж дети мои –

* Поморское согласие получило свое название от места возникновения в Поморье (Олонецкая губ.). Особенности вероучения поморцев состоят в том, что за царя (власть) молиться не следует, таинство брака может быть совершено не священником, а мирянином и пр. [Миссионерский спутник, 1902, с. 551–552].

и хохлы и татары. Сыновья понабрали чувашек...”, – рассказывала Домна Федоровна Платонова (1918 г.р., жительница Платоновки Северного р-на Новосибирской обл.). Старообрядцы были ориентированы на “своих” невест и женихов, деревни Бергуль, Макаровка и Платоновка составляли круг брачных связей. “Кержак ездил к кержаку, челдон – к челдону. Такого не было, чтоб кержак к челдону поехал. Замуж не брали чужой веры. Убегом кто делал. Их ненавидели тада, искали. Сильно строго было” (Д.Ф. Платонова).

В настоящее время в условиях разложения этнографической группы лишь отдельные информаторы упоминают о том, что их можно отнести к федосеевцам, при этом они подчеркивают свою несхожесть с прочими староверами. И бергульцы, и макаровцы резко отделяют себя от известных групп сибирских поморцев Новосибирской и Томской областей (“далеко не родня”). По сообщениям стариков, они всегда признавали только два таинства – крещение и покаяние, что, как известно, характерно для беспоповщины. При необходимости допускались самокрещение и покаяние любому встречному. Васюганские старообрядцы относились к “безбрачникам”, строго придерживались учения о безбрачии (отказ от церковного чина бракосочетания). Поскольку в местах прежнего проживания западных старообрядцев были распространены не только федосеевский, но и филипповский толки, можно предположить, что в Васюганье прибыли последователи того и другого учений. Подтверждением принадлежности васюганцев рассматриваемой группы к сторонникам федосеевского согласия являются факты посещения их городскими родственниками соответствующих моленных Новосибирска, Омска. При выезде для совершения каких-либо треб в город сельчане также ориентированы именно на конкретную моленную, поскольку обращаются к тем наставникам, к которым когда-то обращались их родители, старшие по возрасту родственники. В Шипицынской вол. Каинского уезда моленные дома были в двух рядом расположенных деревнях – Бергуле и Платоновке. Федосеевский наставник Пимен Фатеевич Чалков жил в Бергуле, но каждое второе воскресенье ездил служить в Платоновку. Согласно устным сообщениям, значительная утрата догматической стороны вероучения (при определенном сохранении религиозного сознания) произошла не очень давно, родители пожилых информаторов были людьми “грамотными и божественными”.

Особенности орнаментации женских рукоделий старообрядок Барабы

В наши задачи входит рассмотреть технику выполнения, сюжеты орнамента, его семантику и, главное,

осветить досибирский и сибирский этапы этнической истории многочисленных старообрядцев-федосеевцев Барабы и одной из ее групп – васюганцев, “белорусских москалей”. Одним из основных источников исследования являются предметы из собрания пожертвований в Новосибирской федосеевской моленной. Подобные подношения жертвовали в моленную федосеевцы, проживающие в Барабинской степи и Васюганье, рукоделия которых исследовались нами в ходе экспедиций.

Орнаментация на текстильных предметах – полотенцах и скатертях – у русского населения Барабы достаточно разнообразна по сюжетам, техническим приемам выполнения, используемым материалам. Поскольку орнамент интересует нас прежде всего как этнографический источник, целесообразно выявить орнаментальные комплексы. Анализ полотенец показал, что в зависимости от традиций орнаменты можно разделить на пять групп, характеризующих этнографической привязкой и временем бытования.

В первую группу мы выделили старожильческие (кержакские) полотенца с браными или вышитыми набором концами, которые называют также “наконечниками”, “наборами узорными”. О былом распространении таких полотенец свидетельствуют как обнаруженные в ходе полевых работ отдельные образцы, так и сообщения информаторов. У пожилых женщин хранятся браные полотенца, т.к. бытует представление о целительных свойствах узорно-тканых концов, которыми вытирают больных кожными заболеваниями детей [Фурсова, 1992, с. 127–128].

Полотенца с браными концами в коллекции общины представлены единичными экземплярами, поэтому можно сделать вывод, что ко времени формирования собрания пожертвований эта традиция уже угасла. Для орнаментации набором использовались белые льняные холсты (фон) и красные хлопчатобумажные или льняные нитки (узор). Браные концы ткали на кроснах. При этом фоновая часть (негатив) сама превращалась в самостоятельный узор (позитив). Геометрические мотивы складывались из комбинаций квадратов, квадратов с продолженными сторонами, треугольников, прямоугольников. Так, на осмотренном нами полотенце второй половины XIX в. сложные треугольные фигуры составлены из сгруппированных по три в ряд наклонных ромбов (рис. 1). Объединенные “крестом”, они складываются в более крупные и сложные геометрические композиции. Ромб, вписанные в ромб фигуры – узор холщового полотнища основной ткани полотенца. Пожилые старообрядки называют квадратные узоры полотенец “кругами”, “ягодками” (рис. 2). К краям стеновых полотенец пришивали кружево. Нам приходилось видеть кружевные концы, выполненные в строчевой технике простой мережки (“сетка”). Некоторые кержакские вспо-

минают, что в начале XX в. узорные концы стали вязать по-новому — на коклюшках, которые привезли с собой российские переселенки.

Особое место в первой группе полотенец занимают узорно-тканые руkotеры, которые ткали на кроснах из окрашенного льна. Обычными были двухцветные руkotеры; встречаются также пестрые, вытканые из белых или небеленых, а также красных, желтых, синих ниток “шашечками”. Из нескольких руkotеров крупноузорчатого тканья, сшитых вместе вдоль нити основы, делали скатерти. Руkotеры из “пестрины” были широко распространены в Барабе, Приобье, бытовали они и на Алтае.

Вторая группа включает представленные в федосеевской моленной единичными образцами полотенца с вышивками в технике “белой перевити”. Это рукоделия с зоо- и орнитоморфными композициями, изображениями Мирового дерева и храмов. Нами было осмотрено полотенце, на котором центром сюжетной композиции было дерево с пятью устремленными вверх ветвями и двумя крестами на концах. По бокам от него — трехчастные вертикальные композиции, нижнюю часть которых составляет крестообразная фигура с цветком-розеткой в центре. Выше нее вышита фигура подбоченившейся женщины в широкой колоколообразной юбке, составленной из квадратов и крестов. Над головой женщины высится купол церкви с шестиконечным крестом. Узор выполнен “настилом” — наложением нитей в определенном направлении на крупные ячейки сетки (рис. 3).

По поводу техники “строчки”, связанной с предварительным выдергиванием нитей, в литературе высказывались разные суждения. По мнению В.А. Фалеевой, Древняя Русь не знала шитья по разреженному холсту, оно появилось в сельской местности лишь в XVIII в. [1963, с. 615]. Исследователь В.В. Стасов считал шитье по сетке перевити, как и двусторонний шов, древним [1872]. С точки зрения Г.С. Масловой, датирование этой строчки требует дополнительных исследований [1978, с. 52]. Просмотренные нами варианты белой строчевой вышивки представляли северорусскую традицию, хорошо известную в XVIII–XIX вв. в Вологодской, Олонецкой и других губерниях Русского Севера [Там же].

На образцах из собрания федосеевской общины нам встретилась разновидность орнаментальных мотивов, отнесенная У. Сирелиусом к характерному для России виду “павы” — с поднятым крылом и хвостом в виде большого горизонтального пера [Sirelius, 1925, S. 372]. Орнамент включает четыре изображения птицы: в центре — фронтальные силуэты двух птиц с раскинутыми в сторону крыльями, по бокам — профильные фигуры птиц с поднятыми крыльями, хохолками и длинными горизонтальными хвостами (рис. 4). Раскрытые клювы и запечатленные в дина-

Рис. 1. Конец полотенца, выполненного в браной технике. Конец XIX в.

Рис. 2. Конец полотенца, вышитый в браной технике, с кружевными вставками. Конец XIX в.

мике тела, возможно, свидетельствуют об охранной функции изображений птиц. Узор выделяется мелкой обвивкой сетки на фоне более крупных ячеек; контуры рисунка укреплены стебельчатым стежком.

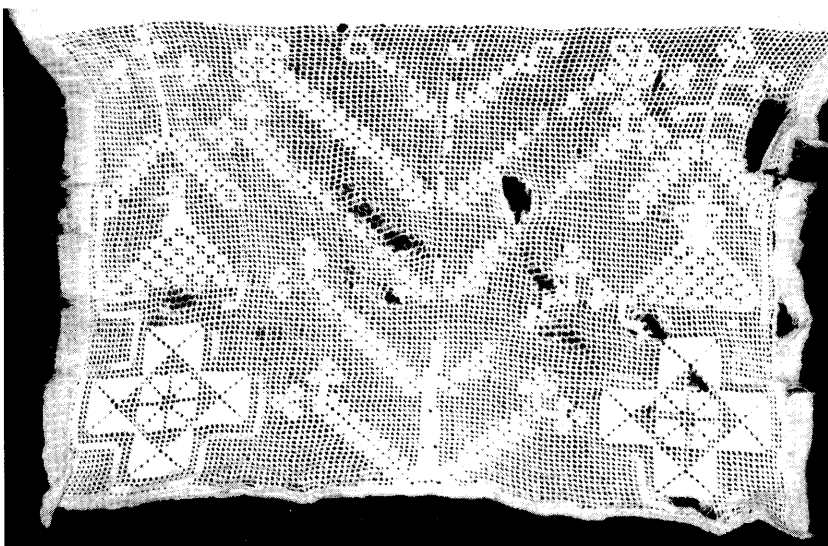

Рис. 3. Конец полотенца, вышитый в технике “белой перевити”. Вторая половина XIX в.

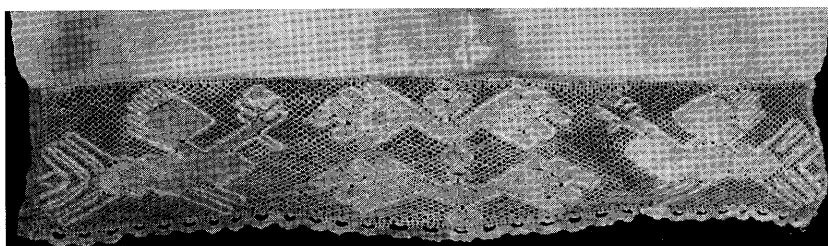

Рис. 4. Конец полотенца, вышитый в технике “белой перевити”. Вторая половина XIX в.

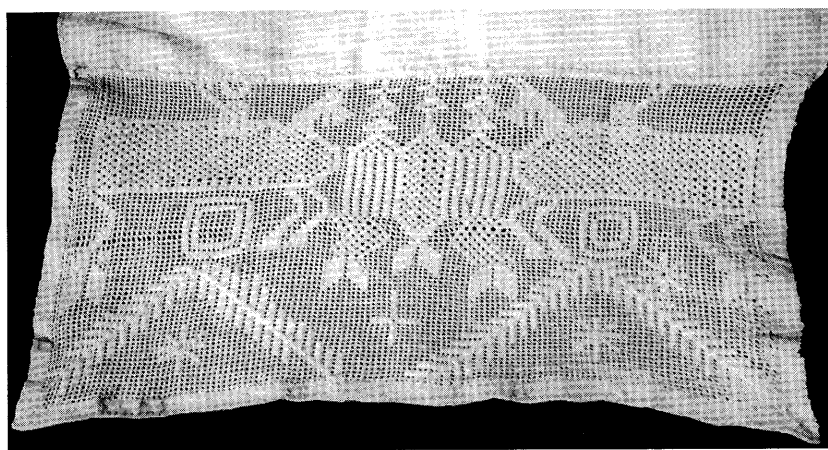

Рис. 5. Конец полотенца, вышитый в технике “белой перевити”. Вторая половина XIX в.

Отметим, что подобные сюжетные композиции были обнаружены нами в Приобье и на Алтае. Среди пожертвованных вещей следует отметить полотенце с вышитой трехчастной композицией – два коня

столько запутан, что возникают трудности с его классификацией. Например, на полотенце, запечатленном на рис. 6, верхний бордюр представляет собой меандр, соединенный (или разделенный) тремя восьмерками.

с всадниками (изображение одного не закончено), между которыми – храм с тремя куполами и навершиями в виде крестов (рис. 5). Кони, всадники и храмовая постройка показаны как бы сросшимися, образующими единое целое. В нижней части вышиты два угла. К ним сверху примыкают фигуры в виде двойных квадратов. В контексте данной композиции они смотрятся как горы с крестом в центре, внутри и снаружи которых обозначены солярные символы. Весь рисунок вышивки выполнен с достаточно высокой степенью стилизации, известной по ранним образцам северорусских рукоделий [Маслова, 1978, с. 117–119].

Третья группа объединяет полотенца с вышитыми концами в технике “тамбур”. Полевые этнографические исследования позволили отнести подобные виды орнаментации к традиционным старожильским, в частности, “чалдонским” [Фурсова, 1992, с. 131]. Собранные нами материалы свидетельствуют о том, что у старожилов была специфическая традиция орнаментации (по мнению отдельных информаторов из “новоселов”, предки чалдонов мало или совсем не вышивали). Концы полотенца крестьянки-чалдонки акцентировали тамбурными вышивками. Видимо из-за того, что узор, выполненный тонкими (без застила) извилистыми линиями, смотрелся на белом фоне холста достаточно скромно, соседи не воспринимали его как вышивку (рис. 6). Этим и можно объяснить критическое отношение к женским рукоделиям сибирячек (чалдонок).

Орнаменту тамбурных вышивок просмотренных полотенцев составляют растительные узоры.

Во многих случаях рисунок настолько запутан, что возникают трудности с его классификацией. Например, на полотенце, запечатленном на рис. 6, верхний бордюр представляет собой меандр, соединенный (или разделенный) тремя восьмерками.

Нижний орнамент выполнен в более сложной трехчастной композиции: извилистая линия образует “ячейки”, в которые вписаны фигуры, напоминающие то ли растение причудливой конфигурации, то ли антропоморфную фигуру с раскинутыми руками- “крыльями”.

По рассказам крестьянок, орнаменты для таких вышивок дочери брали у матерей и бабушек, переводя узоры деревянной ложкой, предварительно смазанной маслом, а позднее – алюминиевой. Описанные рукоделия выполнялись в двухцветном варианте – красными хлопчатобумажными или льняными нитями по белому холсту. На обоих концах полотенец третьей группы пришивали кружева, вязанные крючком, либо фигурно перевязанную бахрому. Их орнаментальные мотивы могли быть геометрическими – в виде комбинаций ромбов и треугольников. Возможно, что подобные рукоделия попали в собрание федосеевской моленной случайно, как “жертва” со стороны старожильского нестарообрядческого населения: например, родственники умершего одаривали ими соседей-старообрядцев “на помин души”. Можно также считать эти полотенца отражением усвоения старообрядцами местной традиции, которая, видимо, не получила широкого распространения, поскольку в коллекции ее представляют единичные образцы. Наконец, не исключено, что тамбурная вышивка в монохромной гамме (красной нитью по холсту) была известна старообрядцам – выходцам из северорусских и центральных областей еще до их появления в Сибири [Маслова, 1978, с. 54].

Четвертую группу составляют полотенца, на которых орнамент выполнялся крестом “по счету нитей”, двойным крестом или по канве. На некоторых вещах представлены все эти разновидности вышивки крестом. Среди полотенец, принадлежащих федосеевской общине Новосибирска, довольно много (более 40 %) образцов с вышивкой двойным крестом красно-бордовыми и черными нитками. В качестве примера приведем концы полотенца из белого холста, тканного “елочкой”, которое было изготовлено в 1920–1930-е гг. (рис. 7). Орнамент по вертикали делится на три части: вверху на одном конце вензель “М”, на другом – “Н”, под ними – бордюр в виде ветви с листьями и цветами,

Рис. 6. Концы полотенца, вышитые в технике “тамбур”.
Вторая половина XIX в.

Рис. 7. Концы полотенца, вышитые двойным крестом.
Начало XX в.

ниже – широкая вышитая полоса из ветви с цветами и листьями. Концы оформлены кистями, связанными из основной нити полотна в виде ячеистого орнамента. Композиции узоров таких полотенец обычно включают геометризированные изображения ветвей деревьев, цветов, листьев. Нетипичные для русского населения Барабы полотенца с вышивкой двойным крестом, “эрзянским” швом, возможно, попали в моленную из среды соседствующих со старообрядцами финских (мордва) и тюркских (чуваши) народов. Орнаменты в виде восьмиконечных звезд, розеток, выполненные красно-бордовыми и черными нитями по счету нитей утка и основы, как известно, считались у этих народов

Рис. 8. Конец полотенца, вышитый в технике “взастил”. Начало XX в.

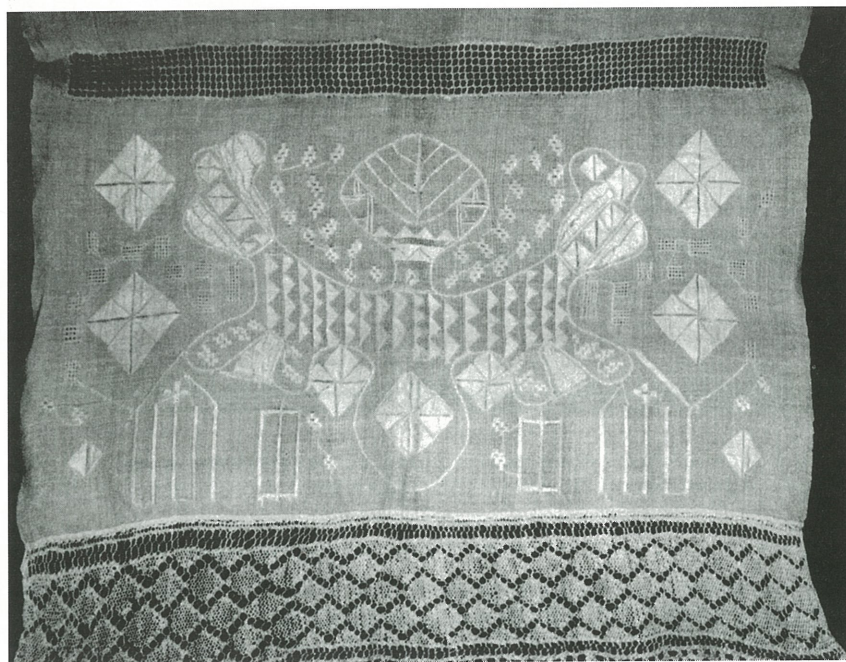

Рис. 9. Конец полотенца, вышитый “счетной” гладью. Вторая половина XIX в.

старинными еще в XVIII–XIX вв. [Народы Поволжья..., 1985, с. 189; Народные художественные промыслы, 1984, с. 54].

К пятой группе мы отнесли полотенца с орнаментом, вышитым счетной гладью – “взастил”, “кубика-

ми”. Гладьевой вышивкой оформлялись композиции, включавшие различные сочетания квадратов, прямоугольников, построенных, в свою очередь, из квадратов меньших размеров; встречаются также более сложные фигуры. Указанные рукоделия обнаружены в единичных экземплярах (рис. 8).

Особое место в осмотренном нами собрании моленной федосеевцев занимает полотенце, на котором контуры композиции обшиты тамбурным швом, а внутреннее заполнение выполнено белой счетной гладью в виде треугольников, дорожек, крестов (рис. 9). Верхняя кайма оформлена в технике “белой перевити” с мелкими ячейками. Центральная фигура нижней композиции представляет собой птицу (зооморфное существо?) с раскинутыми в стороны крыльями (лапами?), тело которой испещрено ромбами, треугольниками. На голове птицы различается изображение дерева, на хвосте – поставленный на угол квадрат, пересеченный двойным крестом. Как известно, в русской народной вышивке довольно устойчивым является сюжет, сочетающий изображения птицы, дерева, женщины [Маслова, 1978, с. 115]. В данном случае запечатлен, по-нашему мнению, архаичный сюжет дерева-птицы, в котором слилось несколько самостоятельных элементов. Композиция насыщена ромбами, возможно, раскрывающими связь изображенного с соляной символикой; внизу по обеим сто-

ронам от “хвоста” птицы показано по два строения, крайние из которых (с крестами) можно трактовать как культовые сооружения (храмы?). Близких аналогов подобной композиции в научных публикациях обнаружить не удалось.

Орнаменты и их символика в рукоделиях старообрядок Васюганья

Первая группа рукоделий включает антропоморфные композиции. Большая часть орнаментальных мотивов на полотенцах старообрядок Бергуля и Макаровки характеризуется сложными сюжетными композициями. Привлекает внимание однотипность рисунков с антропоморфными фигурами, составляющих значительную часть просмотренного материала (11 из 19 экз.).

Среди узоров тканья, которые можно отнести к 1880–1890-м гг., обнаружены наиболее архаичные типы. Таким рукоделием, безусловно, является скатерть из Бергуля со сложным графичным рисунком, выполненным в технике “бранья”. Цветовая гамма монохромная – весь узор выткан красными льняными нитями. Отсутствие вязанных крючком “кружав”, которые появились, как считают пожилые старообрядки, в XX в., подтверждает типологическую “древность” рассматриваемой композиции (рис. 10).

Верхний ярус композиции на анализируемой скатерти – ряд сросшихся уголками ромбов, из которых нижний, больший по величине, возможно, мыслится как “туловище”, а верхний, меньший, – “голова”. Ромб-“голова” имеет продолженные стороны-“руки” (?) и направленные от верхнего угла вверх линии-“волосы” (?). Антропоморфные фигуры в сходной иконографии довольно часто встречаются в сюжетных орнаментах у народов, населяющих север Европейской России, и тракуются как женское божество плодородия, как бы его ни называли (Мать-сыра земля, Великая мать, Рожаница, Мокошь) [Маслова, 1978, с. 123; Амброз, 1966, с. 72; Жарникова, 1983, с. 93–94]. На бергульской скатерти женские фигуры множественны, они составляют бордюр. Тонкая линия, подчеркивая смысловую завершенность яруса фигур, отделяет их от широкой орнаментальной композиции, расположенной ниже. Эта композиция, безусловно, сложная и насыщенная сакральными символами, которые обычно тракуются исследователями как “засеянное поле”, Мировое дерево, солярные знаки [Маслова, 1978, с. 95–130; Рыбаков, 1981, с. 46–47; Русакова, 1985, с. 126]. Иконография центрального “дерева” с направленными вверх ветвями и сидящими на них “птицами” напоминает известные изображения деревьев в новгородских, костромских и других северорусских вышивках [Маслова, 1978, с. 100–101]. По бокам расположены рассеченные на мелкие квадраты многоугольники, в которых могла быть выражена многоплановая символика плодородия, а также лучистые ромбы, возможно, связанные с солярным культом. Отшлифованная веками композиция лаконична, ее составляющие являются частью единой системы, которая выражает основную идею посредством многозначной символики.

Одно из полотенцев из Платоновки “забирала” еще мать владелицы, пожилой женщины (рис. 11). Полотенце выполнено в технике браного тканья по 100 нитям основы, которые “перетыкались” красным утком. Внизу браные концы обшиты кружевом, связанным из белых льняных нитей. Верхний ярус составляют фигуры взявшихся за руки женщин, которые выполнены в более реалистичной манере, по сравнению с описанными выше. Контакт фигур подчеркивается сплошной красной полосой, которая как бы спаивает образы вместе. Мастерицы называют эти изображения панёнками, что, возможно, указывает на девический статус изображенных. По мнению Г.С. Масловой, термин “паньи”, распространенный на Русском Севере для обозначения женских фигур в вышивке, может быть соотнесен со словами “панки” – название деревянных кукол – и “пань” – родовые предки [Там же, с. 161]. Это замечание, возможно, касается фигурок, изображенных на бергульской скатерти. На рассматриваемом же полотенце, на наш взгляд, вполне реалистично изображены не идолы, а девушки, участвующие в сакральных действиях – вождении хоровода. На празднике Троицы еще в начале нынешнего столетия в Васюганье водили хороводы (“круга”): молодые женщины, их дети младшего возраста ходили вдоль села, заплетаясь “в плетень”, и пели “Во лужах, во зеленых садах...”, “Посеяли-то девки лен...”. По воспоминаниям стариков, “круга” водили против солнца, двигаясь по спирали. Возможно, подобные обряды нашли отражение в орнаменте рукоделий.

Ниже яруса “панёнок” расположен геометризированный орнамент в виде восьмилепестковых розеток и лучистых ромбов, которые можно интерпретировать как солярные знаки. Завершается композиция бордюром из восьмилепестковых цветов меньшего размера, возможно, заместивших усложненные кресты-розетки, являющиеся, по мнению многих исследователей, также графическими символами солнца.

На другом полотенце под “панёнками” показана квадратная фигура, в центре ее – пересеченный крест-накрест, меньший по величине квадрат, по сторонам которого четыре половинки женских фигур. Если фронтальные изображения, расположенные в верхнем ярусе, выстроены в линию и воспроизводят лишь часть хоровода, то внизу эти “панёнки” сгруппированы в замкнутую фигуру-“хоровод”, представленный в данном случае как бы с высоты птичьего полета. Вышитые ниже фигуры в виде пересеченных и “лучистых” квадратов, как и на описанном выше полотенце, являются графическими выражениями символов, связанных с аграрными и солярными культами. Эта основная идея повторяется в композиции, запечатленной ниже; она фиксируется крестовидными фигурами, “проросшими” цветами, листьями, ромбами с “лучами” и характерными крестами-розетками.

Рис. 10. Браная скатерть. Вторая половина XIX в., д. Бергуль
Северного р-на Новосибирской обл.

Рис. 11. Браные концы полотенца. Конец XIX в.,
д. Платоновка Северного р-на Новосибирской обл.

На типологически и хронологически более поздних полотенцах, оформленных в технике вышивки двусторонним швом или крестом по счету, композиции значительно упрощены, хотя в деталях повторяют основное содержание описанных выше. Эти полотенца выполнены в полихромной гамме, вклю-

чающей, помимо красного, синий, желтый, черный, зеленый цвет. Женские фигурки, изображенные в верхнем ярусе, информаторы также называют “панёнками”, но они более напоминают “барынь”, уткнувших “руки в боки”, и тем самым снимают сакральность с изображаемого действия (рис. 12). Эти орнаментальные мотивы выглядят более реалистичными, несмотря на то, что туловища схематичны, столбообразны, а головки трактуются как ромбы. Редуцированные композиции нижнего яруса тем не менее включают необходимый для рассматриваемых рукоделий набор изображений – усложненные кресты, квадраты, “проросшие” цветами. Узор на полотенце, приведенном на рис. 11, по смыслу близок орнаменту на скатерти, запечатленной на рис. 12. Реалистичные изображения на ней в какой-то мере также раскрывают содержание композиции тканой скатерти, изображенной на рис. 10. На скатерти “панёнки” изображены также в позе “барынь”. Под антропоморфными изображениями показана зигзагообразная линия, от которой вверх и вниз отходят цветы геометризированной формы. Подобные деревья и цветы обнаруживаются и в материалах Русского Севера [Там же, с. 103].

В антропоморфных изображениях на рассмотренных рукоделиях несомненно заключена магическо-заклинательная символика, связанная с почитанием женского плодоносящего начала, солнца, растительности. Собранный материал позволяет выделить следующие хронологически и типологически разные композиции:

наиболее древние, с ткаными орнаментами, отражающими мифопоэтическую модель мира древних земледельцев с Мировым деревом в центре;

более поздние, тканые, изображающие аграрный обряд, возможно весенний, троичский;

Рис. 12. Скатерть с “панёнками”. Конец XIX в., д. Платоновка
Северного р-на Новосибирской обл.

композиции конца XIX – начала XX в., в которых реалистично изображенные элементы направленно передают основную идею более ранних орнаментов; самые поздние композиции (1920–1930-е гг.), в которых антропоморфные фигуры заменены изображениями растений, цветочных вазонов (рис. 13).

Распространение изобразительных мотивов в декоративно-прикладном искусстве (женские рукоделия) тарских старообрядков позволяет связать происхождение этих мигрантов с северными областями Европейской России. Как известно, культ богини прародительницы, культ дерева как источника витальных сил был известен на всей территории России, но особенно долго он сохранялся на Севере, что исследователи объясняют влиянием адаптированных чудских групп [Там же, с. 158]. Иконографически изображения на полотенцах и скатертях сибирских старообрядцев Васюганья, с нашей точки зрения, наиболее близки к узорам Вологодской, Новгородской губерний, в которых, однако, мы не находим столь ярко обозначенных “хороводов”. С указанными областями сближают также названия антропоморфных изображений (“панёнки” = “панки”).

Вторую группу бергульских полотенцев составляют рукоделия с геометризированными узорами растений, цветами-розетками, ромбами разнообразной конфигурации. Опишем три наиболее типичных композиции. Первая состоит из шести равноудаленных столбцов ромбов. Три столба орнаментов крупных ромбов с продолженными в виде крюков сторонами чередуются с тремя рядами мелких ромбов с продолженными сторонами. Геометрические фигуры выполнены красными и черными нитками (рис. 14). Концы полотенца заканчиваются связанными на спицах кру-

Рис. 13. Концы полотенца. Конец XIX – начало XX в.,
д. Платоновка Северного р-на Новосибирской обл.

жевами. Вторая композиция состоит из четырех рядов геометризированных растительных орнаментов, верхний из которых представляют цветки-розетки, ряд ниже – розетки, чередующиеся с крестами, еще ниже – розетки вытянутой формы, наконец, самый нижний и крупный узор образуют розетки с исходящими

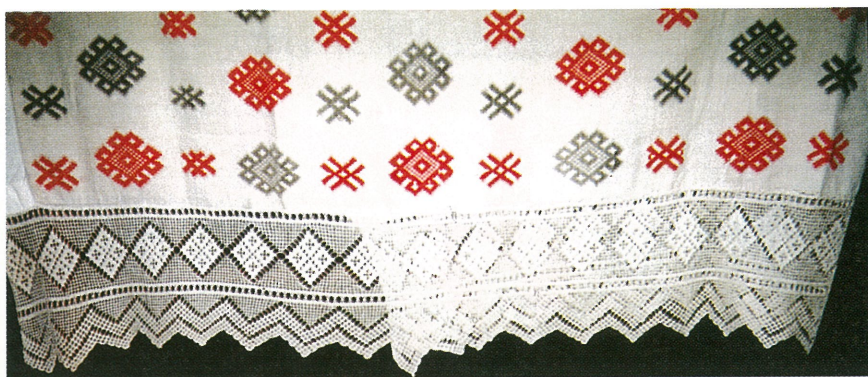

Рис. 14. Концы полотенца. Конец XIX – начало XX в.,
Бергульский краеведческий музей.

а

б

Рис. 15. Концы полотенца. Конец XIX – начало XX в., д. Бергуль
Северного р-на Новосибирской обл.

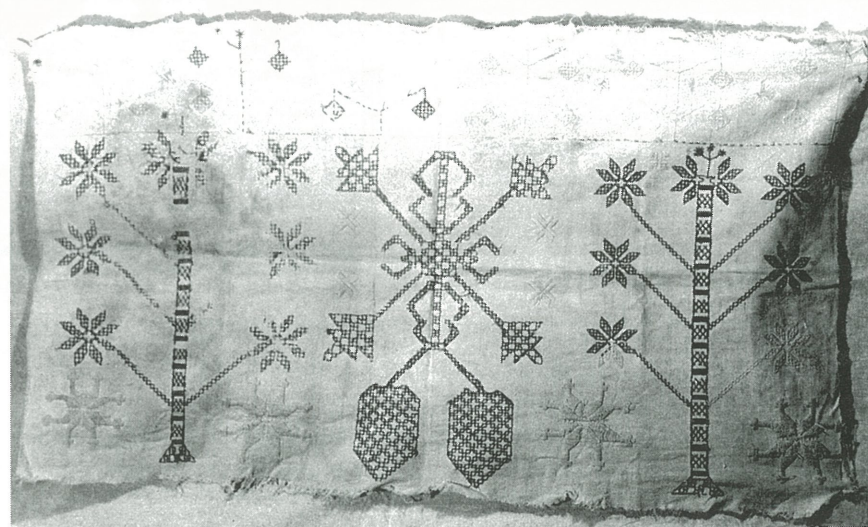

Рис. 16. Концы полотенца. Конец XIX – начало XX в.,
д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

из них цветами, напоминающими васильки (рис. 15, б). Вся композиция построена на чередовании красных и черных цветов. Третье полотенце отличается от первых двух сочетанием ярких цветов, включающих не только красно-черную гамму, но и желтые, синие цвета. Ряды из красно-сине-желтых розеток сменяют пересеченные крест-накрест ромбы, выполненные в технике “взастил” (рис. 15, а).

Особо следует отметить зафиксированное нами полотенце Ксении Винальевны Беловой из Бергуля (рис. 16, 17). Оно выполнено в архаичной для Русского Севера технике двустороннего шва с заполнением некоторых фигур счетной гладью косыми стежками [Там же, с. 42]. Композиция состоит из двух частей – нижней и верхней. Нижняя часть включает два дерева с тремя устремленными вверх ветвями с восьмилепестковыми цветами (по три с каждой стороны) на концах. Вверху ствол дерева увенчан раздвоенным цветком, из которого исходит растение с тремя небольшими веточками. В центре композиции, расположенной между деревьями, изображена сложная фигура из ромбов, трех- и пятиугольников, содержательность образа которой пока установить не удалось (возможно, это “лягушка”) [Баранов, Мадлевская, 1999, с. 113]. По низу проложены восьмилепестковые розетки, оканчивающиеся крестами, по полю разбросаны крестообразные фигуры, в т.ч. усложненные разнообразными линиями. В верхней части изображено шесть деревьев, имеющих по две ветви с каждой стороны, на которых висят плоды в виде пересеченных квадратов. Между деревьями – изображение солнечного диска, представляющее исходящие из одной точки нити-“лучи”.

Выводы

Сравнение полотенцев, изученных нами в селах тарских старообрядцев и в федосеевской общине, дает основание считать, что в качестве пожертвований в моленный дом сдавались более поздние по технике, орнаментике рукоделия. На руках у населения остались ранние образцы, которые, видимо, хранятся на память о женщинах семьи старшего поколения. Такие рукоделия, скорее всего, ткали и вышивали еще на местах прежнего проживания. Поэтому на изделиях, хранящихся у васюганцев, практически не заметны элементы, заимствованные у местного старожильского населения, которые достаточно хорошо видны на рукоделиях из собрания моленной.

Традиции женских рукоделий Русского Севера нашли отражение в единичных полотенцах “белорусских москалей”, прежде всего с сюжетными композициями – геометризированными антропоморфными фигурами, мотивами дерева, птиц. Северорусские

Рис. 17. Фрагмент полотенца. Конец XIX – начало XX в., д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

черты проявлялись в применявшейся технике вышивки – двусторонний шов, “взастил” [Маслова, 1978, с. 44–46]. Возможно, что переселившаяся в Сибирь узколокальная и изолированная группа старообрядцев сохранила эти композиции в качестве специфических, отражающих включенность в ее состав “чуждских” групп Европейского Севера.

В Сибирь старообрядцы также привезли рукоделия, созданные под некоторым влиянием белорусской вышивки, которое проявлялось в ранних по времени изготовления экземплярах полотенцев. “Белорусизмы” можно увидеть в преобладании красного цвета, в орнаментальных мотивах восьмилепестковых цветов-розеток, крестообразных розетках, зигзагообразных ветвях со стилизованными листьями или цветами [Романюк, 1981, ил. 129, 130, 132, 135, 139, 142, 151, 169, 313, 314, 401, 453 и др.]. Можно даже констатировать, что у бергульцев бытовали более архаичные сюжеты “хороводов девушек”, которые вышивали над ромбами и розетками, чем аналогичные белорусские вышивки реалистического вида [Там же, ил. 341].

Располагая устными сведениями о проживании в Бергуле мордвы, чувашей, по воспоминаниям, “исчезнувшим” практически полностью к 1950–1960-м гг., рискнем сделать предположение о влиянии их орнаментальных мотивов, техники исполнения и расцветки вышивок. Как известно, вышивки этих народов довольно многоцветны, при ведущем красном большую роль играют дополнительные цвета [Народные промыслы, 1984, с. 55]. Это объясняет тот факт, что в орнаментике бергульцев, макаровцев и платоновцев видятся нетипичные для русской вышивки варианты розеток, многоцветных ромбов, двойных крестовых фигур и пр. Выполнявшиеся на более ранних полотенцах исключительно красными цветами антропоморфные фигуры в других экземплярах встречаются вышитыми красно-желто-зелеными нитками, что опять же дает основание говорить о межкультурных взаимодействиях с мордовской и чувашской культурными традициями.

Список литературы

- Амброз А.К.** О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. – 1966. – № 1. – С. 61–75.
- Баранов Д.А., Мадлевская Е.Л.** Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян (Семантический комментарий) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. – СПб.: Наука, 1999. – С. 111–130. – (Сб. МАЭ; Т. 57).
- Жарникова С.В.** О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (по поводу статьи Г.П. Дурасова) // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 89–94.
- Заварина А.А.** Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века. – Рига: Зинатне, 1986. – 247 с.
- Маслова Г.С.** Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
- Мельников М.Н.** Васюганье: путь в никуда? – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 190 с.
- Миссионерский спутник.** – СПб.: [Тип. Э.Л. Пороховщиковой], 1902. – 738 с.
- Народные художественные промыслы** / О.С. Попова, Н.С. Королева, Д.А. Чирков, Н.И. Каплан, И.П. Работнова, Л.В. Федотова. – М.: Легкая и пищевая пром-ть, 1984. – 192 с.
- Народы Поволжья и Приуралья:** Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1985. – 310 с.
- Романюк М.** Беларускае народнае адзенне. – Мінск: Беларусь, 1981. – 473 ил.
- Русакова Л.М.** Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 121–138.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Сементовский А.М.** Этнографический обзор Витебской губернии. – СПб.: [Тип. М. Хана], 1872. – 69 с.
- Стасов В.В.** Русский народный орнамент // Шитье, ткани, кружева. – СПб.: [Тип. Т-ва “Общественная польза” на Мойке], 1872. – Вып. 1. – 26 с.
- Фалеева В.А.** Вышивка // Русское декоративное искусство. – М.: Изд-во Академии художеств, 1963. – Т. 2. – С. 614–629.
- Фурсова Е.Ф.** Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 127–147.
- Фурсова Е.Ф.** Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межкультурного взаимодействия (конец XIX–XX вв.). – Новосибирск: Агро, 2002. – Т. 1. – 287 с.
- Sirelius U.T.** Die Vogel- und Pferdomotive in karelischen und ingermanländischen Broderien // Societas orientalis. Fennica. Studia orientalia. – Helsingforsiae, 1925. – Т. 1. – С. 372–387.

Материал поступил в редколлегию 27.07.04 г.